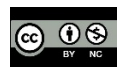

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2025-7-176-202

Субъективные представления о личной безопасности в российской студенческой среде

Н.А. Лебедева-Несевря¹, С.Ю. Шарыпова², А.С. Шляпина³

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Пермь, Российская Федерация.

E-mail: ¹natnes@list.ru; ²sonia.eliseeva@bk.ru; ³shlyapina.psu@mail.ru

✉ sonia.eliseeva@bk.ru

Аннотация. Введение. В последние годы отмечается увеличение уровня эмоциональной напряженности и социальной тревожности среди студенческой молодежи, в том числе в Российской Федерации, что обуславливает необходимость изучения механизмов восприятия угроз и формирования субъективных представлений о личной безопасности в студенческой среде. Цель. Исследование направлено на раскрытие содержания и установление факторов субъективно воспринимаемой личной безопасности студентов российских вузов. Методология, методы и методики. Эмпирическую базу исследования составили собранные в рамках смешанной методологии последовательного типа (qual-QUANT) качественные (12 интервью, целевой отбор) и количественные ($n = 415$, квотный отбор) данные на выборке студентов трех российских вузов. Результаты. В большей степени студенты опасаются прямых угроз жизни и физическому здоровью, затем – угроз ментальному благополучию, и меньше всего их волнуют отложенные угрозы, связанные с воздействием внешнесредовых (экологических) факторов риска на здоровье. Подтверждено наличие гендерного разрыва в субъективном восприятии угроз жизни и здоровью. Для изучаемой группы характерен высокий уровень субъективно оцениваемой защищенности от внешних угроз, восприятие своей жизни как стабильной и предсказуемой. Кластерный анализ позволил выделить три группы студентов по критерию субъективной личной безопасности: ощущающие себя в безопасности (39 %); ощущающие себя в небезопасности (16 %); ощущающие себя в неопределенном состоянии (45 %). Обнаружено, что студенческая молодежь воспринимает непредсказуемые и слабо контролируемые события наиболее угрожающими их жизни и здоровью, но ответственность за обеспечение безопасности возлагает чаще на себя, а не на социальные институты и государство. Научная новизна. Исследование ставит под сомнение тезис о доминировании алармистских настроений среди российской молодежи и интенсивном распространении страхов за собственную безопасность. Теоретическая концептуализация субъективного восприятия безопасности расширяет подходы и формирует основу для дальнейших исследований. Практическая значимость. Исследование предоставляет данные для совершенствования программ в сфере здоровья и адаптации уязвимых групп к рискогенной среде.

Ключевые слова: безопасность, личная безопасность, субъективная безопасность, уверенность, стабильность, восприятие опасности, студенческая молодежь

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам журнала «Образование и наука» за экспертное мнение и конструктивный подход. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>

Для цитирования: Лебедева-Несеврия Н.А., Шарыпова С.Ю., Шляпина А.С. Субъективные представления о личной безопасности в российской студенческой среде. *Образование и наука*. 2025;27(7):176–202. doi:10.17853/1994-5639-2025-7-176-202

Subjective perceptions of personal safety among Russian university students

N.A. Lebedeva-Nesevria¹, S.Yu. Sharypova², A.S. Shlyapina³

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation.

E-mail: ¹natnes@list.ru; ²sonia.eliseeva@bk.ru; ³shlyapina.psu@mail.ru

✉ sonia.eliseeva@bk.ru

Abstract. *Introduction.* In recent years, there has been a rise in emotional tension and social anxiety among students, including those in the Russian Federation. This trend underscores the need to study the mechanisms of threat perception and the development of subjective notions of personal safety within the student community. *Aim.* This study *aims* to reveal the content and identify the factors influencing the subjectively perceived personal safety of students at Russian universities. *Methodology and research methods.* The empirical foundation of the study comprises qualitative data (12 interviews, purposive sampling) and quantitative data ($n = 415$, quota sampling) collected from a sample of Russian university students using a sequential mixed-methods approach (qual → QUANT). *Results.* To a large extent, students fear direct threats to life and physical health, followed by concerns about mental well-being, while they are least worried about deferred threats related to the impact of environmental risk factors on health. A gender gap in the subjective perception of threats to life and health has been confirmed. The study found that the group under consideration exhibits a high level of perceived protection from external threats and views their lives as stable and predictable. Cluster analysis identified three groups of students based on subjective personal safety: those who feel (a) safe (39%), (b) unsafe (16%), and (c) uncertain (45%). It was also found that students consider unpredictable and poorly controlled events to be the most threatening to their life and health, yet they more often assume personal responsibility for ensuring safety rather than relying on social institutions or the state. *Scientific novelty.* The current study challenges the thesis that alarmist sentiments prevail among Russian youth and that fears for their personal safety are spreading rapidly. The theoretical conceptualisation of the subjective perception of security broadens existing approaches and provides a foundation for further research in this field. *Practical significance.* The study provides data to improve health programmes and help vulnerable groups adapt to risky environments.

Keywords: security, personal security, subjective security, confidence, stability, threat perception, university students

Acknowledgements. The current research was conducted with financial support from the Russian Science Foundation (RSF) under grant No. 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>

For citation. Lebedeva-Nesevria N.A., Sharypova S.Yu., Shlyapina A.S. Subjective perceptions of personal safety among Russian university students. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2025;27(7):176–202. doi:10.17853/1994-5639-2025-7-176-202

Введение

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет потребность личности в безопасности в качестве базовой, признает государство гарантом ее обеспечения и предполагает реализацию комплекса мер, направленных на противодействие различным внешним угрозам¹. Подобный «государствоцентричный» подход не принимает во внимание субъективную природу личной безопасности, описанную в работе Е. В. Шлыковой [1], зависящую от особенностей восприятия индивидом тех или иных факторов внешней среды как «опасных/угрожающих», уровня индивидуальной приемлемости рисков, ценностной значимости безопасности здоровья и жизни. Индивиды конструируют личную безопасность, опираясь на опыт, знания, актуальный контекст (R. Simpson [2]), имплицитные теории риска и опасности (Т. М. Краснянская и В. Г. Тылец [3]). Именно «персональная концепция безопасности», а не «объективные угрозы», способные нанести вред жизни и здоровью человека, или исчисленная вероятность причинения этого вреда (результаты количественной оценки риска) является регулятором поведения человека «при попадании в различные проявления экстремальности» (Т. М. Краснянская и В. Г. Тылец [4]), определяет его активность по обеспечению собственной безопасности.

Исследование субъективной безопасности современной молодежи определяется двумя тенденциями. С одной стороны, как указывает И. И. Дашкин, молодежь в обществе риска, характеризующемся высоким уровнем неопределенности среды, разнородными сложно предсказуемыми угрозами, предстает крайне уязвимой группой в силу своего неустойчивого положения в социальной структуре и противоречивости требований, предъявляемых социумом [5]. С другой, М. Vílchez и F. Trujillo обращают внимание на то, что активное освоение социальной реальности, обусловленное задачей самоопределения, сопряжено со слабой заинтересованностью молодежи в безопасности [6], пространенностью «иллюзии неуязвимости» (M. Milić, R. Vlačić, V. Križanić [7]), приверженностью рискогенным паттернам поведения (Ş. Çıtak, H. Yazıcı [8]).

Социально-политическая ситуация, формирующаяся в России с начала 2022 г., сопровождается, по словам А. В. Меренкова и его коллег, «усилением чувственно-эмоциональной напряженности» в обществе [9] и распространением многочисленных «страхов и тревог социального бытия», в том числе за свое здоровье и физические возможности, в особенности – в молодежной среде (С. А. Кравченко и Д. А. Свирская [10]).

В связи с этим возникают следующие исследовательские вопросы: как российская молодежь конструирует свою личную безопасность, какие угрозы воспринимает как наиболее значимые, кого видит в качестве субъекта обеспечения безопасности?

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 19.07.2024).

Цель исследования – анализ субъективного восприятия личной безопасности российской студенческой молодежью и факторов, обуславливающих это восприятие.

Гипотеза исследования. Субъективное восприятие личной безопасности российской студенческой молодежью определяется не только социально-демографическими характеристиками (среди которых ключевой является пол), но и локусом контроля, готовностью нести персональную ответственность за обеспечение собственной безопасности. Наиболее значимыми для студентов являются прямые угрозы жизни и физическому здоровью. Ответственность за обеспечение безопасности от указанных угроз студенческая молодежь возлагает преимущественно на себя.

Основным ограничением исследования является специфичность выборки (студенты вузов Перми, Нижнего Новгорода и Новосибирска), которая не позволяет экстраполировать результаты на студентов приграничных регионов, малых городов и сел. Полученная регрессионная модель для объяснения факторов субъективного восприятия личной безопасности российской студенческой молодежью обладает объяснительной силой лишь на 30 %, что создает необходимость поиска других факторов в последующих исследованиях.

Обзор литературы

В рамках субъективистского подхода личная безопасность имеет две трактовки: а) более узкую – как чувство защищенности от угроз для жизни (как физического существования), физического и ментального здоровья или как ощущение «свободы от физической и эмоциональной уязвимости» (подход P. Carroll и коллег [11]); б) более широкую – как «безопасность, рефлекслируемая субъектом в отношении себя», а угрозы личной безопасности рассматриваются через их «текущее и перспективное» воздействие на «бытийное пространство субъекта» (подход В. Г. Тылец [12]).

Z. Li, X. Zhou, X. Wang и Z. Guo [13] обращают внимание на то, что центральное положение категорий чувствования (feeling) и восприятия (perception) в концепции субъективной личной безопасности направляет фокус исследования на то, как человек познает (cognition) и оценивает (judgement) различные внешние стимулы, т. е. какие процессы/явления/события во внешней среде мыслятся им как угрожающие для жизни и здоровья (согласно уточнения из работы E. Vileikienė и D. Janušauskienė [14]).

Картина субъективных угроз личной безопасности имеет социально-профессиональную, гендерную и возрастную специфику. Например, по мнению D. Stevens et al., мужчины и женщины не только неодинаково определяют личную безопасность, но и видят разное количество угроз для своей безопасности во внешней среде [15]. По данным Фонда «Общественное мнение», молодые россияне чаще, чем представители других возрастных групп (в 39 % случаев),

чувствуют себя небезопасно на улице в темное время суток¹, полагая, что за последние 10 лет для них увеличилась вероятность стать жертвой хулиганства и изнасилования². О. Р. Афанасьева и П. Б. Афанасьев уточняют, что женщины испытывают больший страх перед насильственной преступностью, чем мужчины [16]. Y. Kim et al. указывают на то, что вероятность негативного влияния на здоровье экологических факторов (токсичных отходов, загрязнения атмосферного воздуха и питьевой воды) молодыми мужчинами оценивается ниже, чем девушками [17; 18], а представителями старших возрастных групп – ниже, чем молодежью 18–30 лет (согласно уточнению из работы Т. Н. Унгуряну [19]). Конструируя безопасность как «субъективную защищенность от рисков», российская студенческая молодежь делится на две группы, отличающихся уровнем оценки собственной защищенности и «доминирующим социальным идеалом». Меньший уровень воспринимаемой безопасности наблюдается у студентов, ориентированных на либеральные ценности (Я. В. Дидковская, Ю. Р. Вишневский, О. Б. Зырянова [20]).

В целом, например, А. М. Веркеев определяет у российской молодежи более высокие субъективные оценки безопасности в сравнении с представителями старших поколений [21]; аналогичные тенденции ранее фиксировались на зарубежных выборках (M. Visser et al. [22]). Однако исследования Н. М. Великой и А. А. Лисенковой показали рост уровня тревожности среди молодежи [23], что может быть свидетельством снижения субъективно воспринимаемой безопасности, как отмечают и Y. F. Luo et al. [24]. Динамика социально-политической и социально-экономической ситуации в России с февраля 2022 г. позволяет предположить преобладание низких субъективных оценок личной безопасности среди студенческой молодежи, дифференцированное восприятие разнородных угроз безопасности, обусловленное социально-демографическими характеристиками студентов.

Формирование адекватной картины субъективного восприятия личной безопасности требует релевантных подходов к ее эмпирической фиксации, определения измеряемых показателей уровня и факторов личной безопасности. В эмпирическом исследовании Н. А. Лызь и Ж. Г. Куповых отмечается, что личную безопасность чаще измеряют через восприятие угроз или условий безопасности, реже – через личностные качества или характеристики, способствующие безопасности человека [25]. Е. В. Шлыкова предлагает оценивать личную безопасность на индивидуальном уровне следующим образом: 1) как ценность и потребность по «шкале достаточности»; 2) как одну из сторон жизни по «шкале удовлетворенности»; 3) как оценку опасности [26]. Выделим особенности измерения личной безопасности в количественных социологических исследованиях.

¹ Чувство безопасности. Режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14291> (дата обращения: 19.07.2024).

² Преступность в России. Режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14851> (дата обращения: 19.07.2024).

В первую очередь, для измерения личной безопасности принято использовать прямой вопрос об ощущениях. Иногда в таких вопросах фигурируют названия конкретных чувств и эмоций, которые определяют состояние безопасности: «страх», «тревога», «уязвимость», «защищенность», «уверенность» и т. п. Так, Н. Е. Харламенкова отмечает, что существует связь между различными чувствами, эмоциями и безопасностью, но невозможно сформировать такой набор чувств и эмоций, чтобы полностью раскрыть состояние безопасности, так как у каждого это свой набор и он зависит от индивидуальных социально-психологических особенностей человека [27]. Исходя из этого, А. В. Мозговая и Е. В. Шлыкова предлагают на эмпирическом уровне отдельно формулировать вопросы про чувства и эмоции, которые связаны с ощущением безопасности, и отдельно про само чувство безопасности, например: «В какой степени в данный момент вашей жизни Вам не хватает ощущения безопасности?» [28]. Чтобы избежать прямого вопроса, О. В. Смирнова использует методику описания ситуации, связанной с безопасностью [29]. Вопрос об ощущении дает возможность представить различные варианты восприятия безопасности, но не позволяет рассматривать личную безопасность в разных плоскостях, т. е. относительно различных сторон жизнедеятельности.

Оценка видов личной безопасности возможна, если для измерения использовать показатель «восприятие угроз». Угрозы можно объединять в группы в зависимости от сфер жизни человека (антропологическая, социально-политическая, психологическая, экономическая, информационная, экологическая – Ю. Л. Корабельникова [30]) или от источников угроз (природные, техногенные и социальные – В. В. Угольников [31]). Более показательными в данном случае являются вопросы, где респондентам предлагается оценить угрозу с точки зрения ее максимального воздействия на человека, т. е. определить вероятность смерти: «Как вы думаете, сколько людей в год умирают от...?», «Какова ваша вероятность умереть от...?» (P. Slovic [32]). Для оценки степени угрозы также можно использовать иллюстративный материал или методику незаконченных предложений.

Расширенная трактовка личной безопасности, опирающаяся на ее правовой концепт, предполагает использование в эмпирических исследованиях вопросов об уровне или степени соблюдения личных прав и свобод по «шкале достаточности», т. е. вопросов о «свободе от нужд» (А. В. Атанесян [33]). Вопросы о праве на сохранение жизни и здоровья, проживании в безопасной среде дают информацию об экологической и физической безопасности, а вопросы о свободе от дискриминации, доступе к социальным связям – о социальной безопасности и т. д.

С. Ю. Махов на примере группы студентов выделил шесть интегральных условий безопасности: 1) физическая целостность; 2) свобода самоопределения и ответственность; 3) социальная защищенность; 4) самоконтроль; 5) здоровье; 6) поддержка. Кроме этого, личная безопасность может быть эмпирически оценена с помощью функциональных компонентов (возможностей)

человека, например, физические компоненты – уровень здоровья, адаптационные возможности – управление чувствительностью, экологические компоненты – навыки выживания в природной среде [34].

Встречается измерение личной безопасности не только как восприятия одной из сторон жизни, но и как степени удовлетворенности этой стороной или различными аспектами жизни человека. Например, ВЦИОМ предлагает респондентам оценить удовлетворенность личной безопасностью и безопасностью семьи, а также климатом, экологией, экономической и политической ситуациями в стране и т. д. с помощью вопроса *«Насколько вы удовлетворены следующими сторонами своей жизни?»*.

Наиболее перспективным для измерения личной безопасности представляется использование многомерной модели, которая включает несколько показателей. В отечественных и зарубежных исследованиях встречаются разные наборы переменных. К примеру, С. Г. Максимова с соавторами исследуют ощущение состояния безопасности и защищенности от угроз вместе с оценкой степени оптимизма в отношении будущего состояния безопасности [35]. Иные индикаторы встречаются в работе S. Syropoulos et al.: чувство защищенности (feelings of safety), боязнь виктимизации (fear of crime) и уверенность в собственной способности обеспечить свою безопасность (safety confidence) [36]. В настоящем исследовании предпринята попытка эмпирического изучения субъективного аспекта личной безопасности на основе авторской методики.

Методология, материалы и методы

Исследование опирается на базовые принципы интерпретативного подхода: внимание концентрируется не на наличии или отсутствии объективно существующей угрозы (опасности) жизни и здоровью индивида, а на том, как он воспринимает, чувствует и осмысливает свою безопасность. Представления о личной безопасности понимаются, во-первых, как формирующиеся в процессе социализации и социального взаимодействия, во-вторых, как находящиеся в зависимости от индивидуального жизненного опыта, получаемой информации, макро- и микросоциального окружения.

Уточнение методологической рамки исследования проводилось в ходе анализа научной литературы. Был осуществлен поиск и многоступенчатый отбор публикаций (статей в рецензируемых научных периодических изданиях), представленных в открытом доступе в научных электронных библиотеках eLIBRARY и Google Scholar. На первом этапе был сформирован пул социологических, психологических, юридических и междисциплинарных статей, отобранных по наличию в названии или аннотации ключевого словосочетания «личная безопасность» («personal security», «personal safety»). На втором этапе были сформированы три подвыборки: 1) статьи, отражающие субъективный аспект изучаемого феномена (отбор по ключевым словам «субъективный»,

¹ Семья, друзья и безопасность. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-druzja-i-bezopasnost> (дата обращения: 03.07.2024).

«восприятие», «subjective», «perception»), были использованы для описания особенностей и компонентов личной безопасности как социального конструкта; 2) статьи, раскрывающие специфику и факторы формирования субъективно воспринимаемой личной безопасности в группе молодежи (отбор по ключевым словам «молодежь», «студенты», «учащиеся», «youth», «students»); 3) статьи, подготовленные по результатам эмпирических социологических исследований, были использованы для понимания методических подходов и эмпирических индикаторов личной безопасности (отбор по ключевым словам «опрос», «эмпирическое исследование», «survey», «empirical research»). К последней подвыборке были добавлены отчеты о результатах исследований, опубликованные на официальных сайтах Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) и Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Эмпирическую базу исследования составили качественные и количественные данные, которые были получены при применении смешанной методологии (Е. В. Полухина, Д. В. Просянюк [37]) на выборке студентов высших учебных заведений. Методы «смешивались» в рамках стратегии последовательных вкладов. Качественные данные (результаты полуформализованных интервью) послужили основанием для разработки количественного инструментария.

Оба этапа исследования проводились на выборке студентов трех российских вузов – Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Пермского государственного национального исследовательского университета и Новосибирского государственного технического университета. Отбор площадок для проведения исследования строился на характеристиках территорий – все три города (Новосибирск, Нижний Новгород и Пермь) являются типичными российскими мегаполисами, не расположенными вблизи государственных границ, не имеющими значимой климатической, природно-географической, этнической или социально-экономической специфики, способной повлиять на субъективное восприятие населением уровня и факторов личной безопасности. Отобранные вузы реализуют широкий спектр образовательных программ.

Качественные данные были собраны методом личных полуформализованных интервью осенью 2023 – зимой 2024 гг. Было проведено 12 интервью (целевой стихийный отбор, юноши и девушки от 18 до 23 лет), что обеспечило теоретическое насыщение для дальнейшего построения инструментария формализованного опроса. Анализ интервью осуществлялся посредством открытого кодирования транскриптов.

Количественные данные были собраны весной 2024 г. с помощью формализованного опроса студентов (раздаточное анкетирование в учебных аудиториях). Данные качественного этапа и предварительный анализ литературы позволили предположить высокий уровень гомогенности генеральной совокупности по критериям, значимым для исследования субъективной безопасности. В качестве контролируемых параметров были определены пол и тип домохозяйства респондента (проживает с родителями или отдельно). Вли-

яние последнего фактора раскрывается следующим образом: с одной стороны, проживание студента отдельно от семьи повышает его уязвимость, так как нарушаются привязанность к месту и социальные контакты (J. D. Worsley, P. Harrison, R. Corcoran [38]); с другой стороны, проживание в новом месте, свободном от социального контроля со стороны взрослых, создает необходимость поиска дополнительных ресурсов для обеспечения своей безопасности (И. А. Баева [39]).

Объем выборочной совокупности составил 415 студентов в возрасте от 18 до 21 года, среди которых 122 юношей и 293 девушек, 29 % и 71 % соответственно. Среди опрошенных большую часть составляют студенты Перми (191 чел. – 46 %), остальная часть в одинаковых долях представлена студентами Новосибирска и Нижнего Новгорода (по 112 чел. – 27 %). В выборку практически в равной степени включены те студенты, которые проживают вместе с родителями и/или другими родственниками (182 чел. – 44 %), и те, кто живет отдельно (54 %), в том числе в съемном/собственном жилье (34 %) или в общежитии (20 %). Подавляющая доля студентов не состоит в зарегистрированном браке (93 %) и не имеет детей (99 %). Больше половины опрошенных оценивают свое финансовое положение как среднее (вариант ответа «денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели – для нас проблема» выбрали 35 %, а вариант «мы можем без труда купить холодильник, телевизор, мебель, но на большее денег нет» – 34 %). Обработка и анализ количественных данных производились с помощью программного пакета SPSS Statistics. Для анализа использовались одномерные и многомерные методы.

Результаты исследования

Анализ текстов интервью показал, что информанты в основном чувствуют себя в безопасности, и такая оценка преимущественно относится к состоянию «здесь и сейчас». Восприятие личной безопасности у них связано с «отсутствием угроз» или «небезопасных факторов» для здоровья и жизни (*«Для меня безопасность – это ограничение всех факторов риска, как внутренних, так и внешних. Быть в безопасности означает быть в состоянии, когда тебе ничего не угрожает»* – жен., 19 л., Пермь).

При описании (не)безопасности часто используется категория «защищенность» (*«[Быть в безопасности] – это ограничения от каких-то небезопасных факторов, защищенность»* – муж., 20 л., Новосибирск), поэтому в инструментарий количественного исследования был заложен вопрос для оценки восприятия личной безопасности «*Чувствуете ли вы себя в безопасности, защищенным от различных внешних угроз?*».

Анализ нарративов о безопасности позволил выделить еще две категории, помимо «защищенности» ассоциирующиеся с ней – «уверенность» (*«[Безопасность] – это уверенность в завтрашнем дне. В том плане, что жить не переживать, что с тобой, с твоей семьей может что-нибудь случиться неприятное...»* – муж., 20 л., Новосибирск) и «предсказуемость» (*«Чувство безопасности – когда я*

знаю, как будет проходить мой день, и я знаю, где я буду, с кем я буду, какие близкие меня будут окружать. Каждый день практически одинаковый, я его знаю уже наизусть; скажем так, на опыте, я уже знаю, что буду в безопасности» – жен., 18 л., Нижний Новгород). По этой причине в анкету были добавлены другие вопросы, которые теоретически так же могут быть связаны с субъективной оценкой личной безопасности: «Есть ли у вас ощущение стабильности, предсказуемости вашей жизни?» и «Если говорить в целом, Вы чувствуете уверенность в завтрашнем дне или не чувствуете?».

Обозначенные информантами в интервью угрозы личной безопасности можно разделить на прямые угрозы, которые оказывают непосредственное влияние на жизнь и здоровье (как физическое, так и ментальное) «здесь и сейчас», и отложенные угрозы, имеющие долговременный характер и формирующие отложенный ущерб.

Среди названных студентами угроз к прямым угрозам физического здоровья можно отнести непреднамеренные нарушения другими правил безопасности, например правил дорожного движения, и намеренное нарушение другими личной неприкосновенности («Если насчет личной безопасности [...] очень небезопасно ходить, например, ночью, мне кажется, нужно какие-то брать средства самообороны» – жен., 20 л., Новосибирск), а также международные конфликты и войны («Я имею в виду риски мобилизации, призыва в армию и так далее, что существенно сократит мою жизнь и ее качество [...] я опасюсь мобилизации, всех вот этих военных конфликтов» – муж., 23 г., Пермь).

С точки зрения информантов, ментальному здоровью могут угрожать проблемы во взаимоотношениях с другими и нагрузка, связанная с образовательным процессом («[источник тревожности] учеба, скорее всего, какие-то стрессовые ситуации в семье» – жен., 19 л., Пермь). Влияние образовательного процесса на ощущение безопасности в сфере ментального здоровья является особенностью анализируемой группы.

К отложенным угрозам следует отнести антропогенное загрязнение окружающей среды («[Наибольшая угроза для здоровья] сейчас – это экология, что касается и воды, и качества воды, и качества воздуха, и, возможно, даже и качества еды» – жен., 19 л., Новосибирск).

В своих рассуждениях о личной безопасности участники интервью далеко не всегда ориентируются на внешнюю среду как источник угроз здоровью и жизни. Некоторые личную безопасность рассматривают через внутренние факторы, например соблюдение индивидом «бытовых» правил безопасности («Соблюдение каких-то домашних правил – это выключать плиту, газ, не ставить фен рядом с ванной, выключать воду» – жен., 18 л., Нижний Новгород) или здоровьесберегающее поведение («Для меня это [быть в безопасности], наверное, поддержка иммунитета всяческая, и в принципе просто следить за здоровьем: даже как ты одеваешься, как ты выходишь на улицу в холодное какое-то время года и прочее для моего здоровья» – жен., 19 л., Новосибирск).

В количественном исследовании оценка значимости различных выделенных на качественном этапе внешних по отношению к индивиду угроз осуществлялась с помощью вопросов «Что из перечисленного угрожает в настоящее время вашей личной безопасности?» и «Оцените, насколько следующие события, произошедшие в течение последних шести месяцев, негативно повлияли на ваше ощущение безопасности/защищенности (1 – повлияло в наименьшей степени, 5 – повлияло максимально)». Также респондентам предлагалось оценить по 7-балльной шкале значимость физической и психологической безопасности – «Оцените по шкале от 1 до 7, насколько лично вам важны следующие виды безопасности (1 – совершенно не важно, 7 – важно в наибольшей степени)». Для измерения ощущения безопасности использовались вопросы: «Есть ли у вас ощущение стабильности, предсказуемости вашей жизни?» «Чувствуете ли вы себя в безопасности, защищенным от различных внешних угроз?» «Если говорить в целом, Вы чувствуете уверенность в завтрашнем дне или не чувствуете?».

Результаты формализованного опроса показали, что ощущение стабильности и предсказуемости своей жизни характерно для 75 % опрошенных студентов. Половина опрошенных чувствует себя в безопасности (51 %), еще четверть (26 %) выбрали нейтральную позицию – «и да, и нет» – в этом вопросе, а уверенность в завтрашнем дне характерна для 70 % опрошенных. Три заданных вопроса о безопасности имеют среднюю по силе корреляционную связь друг с другом (ρ -Спирмена во всех случаях больше 0,45, при $p < 0,001$). Расчеты критерия D Сомерса в отношении зависимости переменных определили ключевой (зависимой) переменной чувство защищенности, а вопросы о «предсказуемости/стабильности» и «уверенности» выступают факторами, формирующими чувство безопасности у опрошенных студентов (рис. 1).

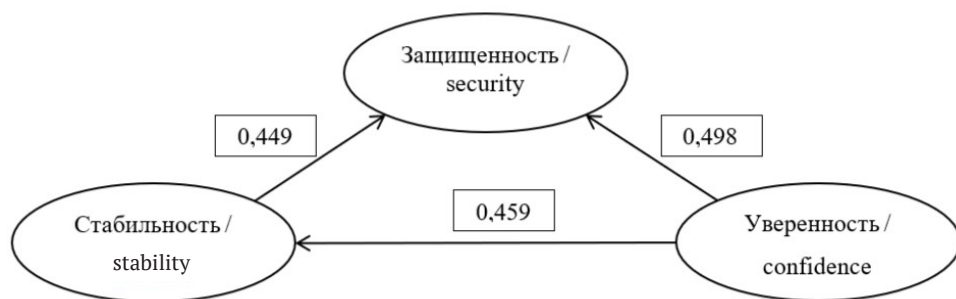

Рис. 1. Анализ связи переменных, характеризующих ощущение личной безопасности (значения коэффициента связи по ρ -Спирмена, направление связи установлено по коэффициенту D Сомерса при $p < 0,001$)

Fig. 1. Analysis of the relationship of variables characterising the feeling of personal security (values of the ρ -Spearman coupling coefficient, the direction of coupling is determined by the coefficient Somers D at $p < 0.001$)

Обнаруженная связь сохраняется даже на частных корреляциях при исключении переменной «уверенность», которая обуславливает два других показателя субъективной оценки безопасности. Неоднозначным остается момент, связанный с направлением связи между «защищенностью» и «стабильностью/предсказуемостью», т. к. различия в показателях D Сомерса незначительные – 0,382 против 0,376. Это позволяет сделать вывод, что связь между этими характеристиками может иметь двусторонний характер.

На основании описанной выше связи была построена регрессионная модель, значимая на уровне 99 %, где каждый предиктор в отдельности также значим на уровне 95 % – это говорит о пригодности данной модели для прояснения связи. Уравнение регрессии выглядит следующим образом:

$$y = 0,579 + 0,307x_1 + 0,518x_2$$

где константа – «защищенность», x_1 – «стабильность» x_2 – «уверенность»). К примеру, если студент заявляет о стабильности жизни и уверенности в завтрашнем дне, то наличие у него ощущения защищенности будет характеризоваться позициями «да» или «скорее да» ($0,579 + 0,307*1 + 0,518*1 = 1,404$). В случае если студент абсолютно не испытывает стабильности и уверенности, то его показатель защищенности равен 4,7, что соответствует ощущению крайней степени незащищенности. Экспланаторная способность данной модели 30 %, что, с одной стороны, достаточно для объяснения связи, с другой стороны, является основанием для поиска других факторов, обуславливающих субъективную оценку личной безопасности. Через полученную модель видно, что значительную роль в построении ощущения защищенности играет субъективная уверенность студента в завтрашнем дне.

Анализируемые три показателя (защищенность, стабильность, уверенность) также были использованы в рамках иерархического кластерного анализа с целью выделения групп с разным субъективным восприятием личной безопасности. В результате анализа дендрограммы существенными особенностями обладали данные, разделенные на 5 кластеров (при совмещении кластеров перешкалированных расстояний при 3 итерациях), или на 3 кластера (при совмещении кластеров при 8 итерациях). С точки зрения теоретических возможностей описания кластеров релевантным было деление на три группы, которые условно можно обозначить как «ощущающие себя в безопасности» (142 чел. – 34 %), «ощущающие себя в небезопасности» (101 чел. – 24 %) и «ощущающие себя в неопределенном состоянии» (138 чел. – 33 %), остальные 8 % (34 чел.) затруднились ответить, поэтому не были определены ни в одну из групп. В группу «неопределенного состояния» были отнесены те студенты, у которых «скорее есть», «и есть, и нет» и «скорее нет» чувства безопасности, защищенности от различных внешних угроз. Согласно данным дискриминантного анализа полученная кластеризация предсказывается в 97 % наблюдений правильно. При описании кластеров по социально-демографическим характеристикам закономерности обнаружены только в половой структуре и по доходам (знач. $\chi^2 = 0,00$, Фи и V Крамера = 0,211 и 0,207 соответственно при

$p < 0,001$). С учетом силы связи можно говорить лишь о некоторых закономерностях: опрошенные юноши значительно чаще попадали в группу «ощущающих себя в безопасности», нежели девушки, а студенты, оценивающие свои доходы как низкие, определились в группу «ощущающих себя в небезопасности».

Связь между кластером и полом респондента обусловлена связью пола с вопросом о «защищенности» (V Крамера = 0,305 при $p < 0,001$). Так, юноши значительно чаще ощущают себя «полностью защищенными», а девушки «скорее не защищенными» или «иногда защищенными, иногда нет». При оценке шансов вероятность того, что юноша будет чувствовать себя защищенным, в 4 раза выше, чем у девушек ($OR = 0,281$ с 95 % ДИ 2,276–7,031).

Для иллюстрации различий в субъективной оценке личной безопасности в выделенных кластерах были проанализированы ответы респондентов на вопрос о влиянии различных событий на ощущение безопасности. События, предлагавшиеся для оценки, являлись проявлением международных конфликтов, войн и террористических угроз, которые относятся к прямым угрозам, так как потенциально или реально ставят под угрозу жизнь и здоровье индивида, причем как физическое, так и ментальное (табл. 1).

Таблица 1
Восприятие событий, представляющих угрозу жизни и здоровью, в группах с разной субъективной оценкой безопасности

Table 1
Perception of life- and health-threatening events in groups with different subjective safety assessments

	Ощущающие себя в безопасности / <i>Feeling safe</i>			Неопределенное состояние / <i>Undefined state</i>			Ощущающие себя в небезопасности / <i>Feeling unsafe</i>		
	Mo	Me	%*	Mo	Me	%*	Mo	Me	%*
Теракт в Крокус Сити Холл / <i>Terrorist attack in Crocus City Hall</i>	4	4	26	5	4	38	5	4	44
Обстрел границ Российской Федерации / <i>Shelling of the borders of the Russian Federation</i>	4	3	9	3	3	12	4	3	23
Атаки беспилотников по российским городам / <i>Drone attacks on Russian cities</i>	4	3	11	3	3	13	5	3	28
Слухи о возможной мобилизации / <i>Rumours of possible mobilisation</i>	1	2	10	1	3	12	5	4	28
Сообщения о минировании общественных мест / <i>Reports of mining of public places</i>	3	3	14	4	3	16	4	4	21
Информация о готовящихся терактах / <i>Information about upcoming terrorist attacks</i>	4	3	16	5	3	28	5	4	33

Примечание. * доля выбравших максимальное значение по шкале

Note. * Proportion of respondents who selected the maximum value on the scale.

В результате сравнения восприятия «угрожающих» событий у групп с разной субъективной оценкой безопасности была обнаружена статистически значимая разница медианных значений (сравнение с помощью критерия Краскела – Уоллиса). Группа «субъективно безопасного состояния» оценивает влияние ситуаций на ощущение безопасности как среднее, за исключением недавнего (на момент проведения опроса) теракта в Крокус Сити Холл, где отмечается влияние выше среднего. Студенты, ощущающие себя в небезопасности, оценивают все события ближе к максимальной оценке влияния. Зависимость оценки ситуаций от восприятия личной безопасности проверена по коэффициенту D Сомерса при $p < 0,001$. Исключение опять же составляет ситуация с терактом в Крокус Сити Холл, которая на момент опроса обуславливает личную безопасность, а не наоборот. Данные говорят о том, что субъективная оценка личной безопасности студенческой молодежи складывается в большей степени из состояния «здесь и сейчас», т. е. на основе «свежих» для индивида событий. Прошлые события, значимые в свое время для ощущения безопасности, оцениваются в настоящем из актуального состояния. Достоверные различия между средними значениями обнаруживаются через критерий U Манна-Уитни в оценке теракта между двумя крайними полярными кластерами. Показатель медианы для людей, ощущающих себя в небезопасности, при оценке беспокойства в связи с терактом значительно выше, чем у людей, ощущающих себя в безопасности, хотя показатели медианных значений равные. Для остальных идентичных пар медианных значений оценки остальных событий значимой разницы не обнаружено.

Анализ восприятия угроз показал, что в большей степени участники опроса опасаются прямых угроз жизни и физическому здоровью, затем – угроз ментальному благополучию, и меньше всего их волнуют отложенные угрозы (табл. 2). Расчет отношения шансов показал, что для девушек наиболее угрожающими являются риск стать жертвой преступления ($OR = 0,352$ с 95 % ДИ $0,221-0,562$) и ситуации, влияющие на ментальное благополучие – нестабильная политическая обстановка ($OR = 0,378$ с 95 % ДИ $0,239-0,599$) и невозможность быть рядом с близкими людьми ($OR = 0,399$ с 95 % ДИ $0,163-0,978$). Юноши, в свою очередь, чувствуют большую угрозу от возможной мобилизации ($OR = 2,626$ с 95 % ДИ $1,489-4,633$), хотя в остальном они почти в 3,5 раза чаще, чем девушки, говорят о том, что им ничего не угрожает ($OR = 3,471$ с 95 % ДИ $1,592-7,572$).

Таблица 2

Угрозы личной безопасности в субъективном восприятии студентов вузов
(% от общего количества выборов по столбцу, предполагался множественный выбор)

Table 2

Threats to personal safety in the subjective perception of university students
(% of the total number of choices in the column, multiple choice was assumed)

	Всего / Total	Юноши / Men	Девушки / Women
1. Прямые угрозы жизни и физическому здоровью / Direct threats to life and physical health	43	43	43
1.1 стихийные бедствия / <i>natural disasters</i>	4	6	3
1.2 болезни / <i>diseases</i>	15	20	14
1.3 риск стать жертвой преступления / <i>the risk of becoming a victim of crime</i>	24	16	27
2. Прямые угрозы ментальному здоровью / Direct threats to mental health	38	37	38
2.1 нестабильная политическая обстановка / <i>unstable political situation</i>	24	18	27
2.2 мобилизация / <i>mobilisation</i>	8	16	5
2.3 невозможность быть рядом с близкими людьми / <i>inability to be close to loved ones</i>	5	3	6
3. Отложенные угрозы жизни и здоровью / Deferred threats to life and health	19	20	19
3.1 загрязненность воздуха, воды, почвы / <i>air, water, and soil pollution</i>	12	10	12
3.2 отсутствие достойных отечественных аналогов жизненно важных товаров / <i>the lack of decent domestic analogues of vital goods</i>	7	10	6

Для более детального анализа восприятия защищенности от прямых угроз жизни и физическому здоровью была выделена угроза – риск стать жертвой преступления (в исследовании Т. С. Hart, М. Chataway, J. A. Mellberg обозначаемая как «страх криминала» – «fear of crime» [40]), так как эту ситуацию как угрожающую студенты отмечали чаще остальных, и об этом же упоминали информанты в интервью. Несмотря на то что риск стать жертвой преступления, по мнению студенческой молодежи, воспринимается как угроза личной безопасности (S. L. Maier, B. T. DePrince [41]), в действительности данные опроса демонстрируют высокий уровень субъективной защищенности от криминала, причем без особенностей в различных городах. Так, более половины опрошенных отмечали, что чувствуют себя в безопасности не только дома (во дворе, в подъезде, в квартире), но и на улицах города, в том числе в районе своего проживания («Так как я живу в центре города, то я не переживаю за свою безопасность. И даже в темных переулках» – жен., 21 г., Новосибирск). Вместе с тем корреляционный анализ показал, что девушки в этом случае все-таки оказываются в более уязвимом положении – они почти в три раза чаще указывают,

что не чувствуют себя в безопасности дома ($OR = 0,340$ с 95 % ДИ $0,168-0,688$) или на улицах города ($OR = 0,290$ с 95 % ДИ $0,178-0,474$). Для поддержания ощущения безопасности жизни и физического здоровья большинство опрошенных студентов предпочитают не ходить в одиночестве по темным (67 %) или безлюдным (53 %) улицам, стараются информировать близких о номере и маршруте такси (53 %). Вследствие того что женщины больше опасаются стать жертвой преступления, они в разы чаще придерживаются указанных мер. К примеру, они почти в шесть раз чаще информируют родных о своем маршруте ($OR = 6,402$ с 95 % ДИ $3,704-11,065$).

Безопасность в сфере ментального здоровья студенческая молодежь в среднем оценивает на 6 из 10. Эта оценка зависит от пола (r -Пирсона = $(-)0,260$ при $p < 0,001$) и возраста (r -Пирсона = $(-)0,188$ при $p < 0,001$). Более незащищенными от угроз ощущают себя девушки и студенты выпускных курсов. Как уже было отмечено выше, девушки в целом больше опасаются угроз ментальному благополучию, а повышенная тревога за эмоциональное состояние у будущих выпускников объясняется их потенциальным маргинальным положением после окончания вуза. Среди факторов, которые, по мнению опрошенных студентов, важны для эмоциональной защищенности, выделяют личные качества (74 %), в частности самооценку и стрессоустойчивость, наличие поддержки со стороны других людей (60 %) и атмосферу в семье, дружеской компании или студенческой группе (58 %).

Защищенность от косвенных (отложенных) угроз жизни и здоровью респонденты в среднем определяли на том же уровне, как и безопасность в сфере ментального благополучия (6 из 10). Однако корреляционный анализ не показал значимых различий этой оценки в половозрастных группах. Чаще всего участники опроса в качестве отложенной угрозы называли загрязненность окружающей среды (воды, почвы и воздуха). Для защиты от этой угрозы большинство (60 %) стараются чаще бывать на природе, т. е. подальше от источников загрязнения, многие не применяют «агрессивную» (токсичную) бытовую химию (42 %) и используют приборы для очищения воды и воздуха в квартире (40 %).

Исходя из оценки угроз личной безопасности была выдвинута гипотеза о важности для студентов состояния защищенности жизни и физического здоровья от внешних прямых угроз, о чем так же сообщалось в интервью. Для проверки этой гипотезы был составлен индекс оценки различных факторов безопасности. Индекс рассчитывался путем разности суммы наибольших (5, 6, 7) и наименьших (1, 2, 3) оценок важности и последующего деления на количество ответивших. Значения индекса варьируются в диапазоне от $(-)1$ до 1, где 1 – это наиболее, а $(-)1$ – наименее важные факторы. Гипотеза подтвердилась: безопасность жизни и физического здоровья является приоритетной (значение индекса = $0,85$), далее идет безопасность ментального благополучия ($0,81$) и защищенность от отложенных угроз ($0,59$). В целом данные количественного и качественного исследований по этому вопросу согласуются. Корреляцион-

ный анализ выявил зависимость восприятия факторов безопасности от пола. Так, для девушек оказались наиболее важными безопасность в сфере ментального (r -Пирсона = 0,280 при $p < 0,001$) и физического здоровья (r -Пирсона = 0,243 при $p < 0,001$), что соответствует гендерной специфике оценки значимых угроз.

В исследовании было установлено, кто, с точки зрения студенческой молодежи, должен нести ответственность за безопасность их жизни и здоровья. Подавляющее большинство респондентов вне зависимости от пола и возраста активно возлагает ответственность на себя: 74 % полагают, что защищенность ментального здоровья зависит от действий индивида, относительно безопасности жизни и физического здоровья аналогичную позицию высказывают 58 %. При этом ответственность за защищенность от отложенных угроз опрошенные перекладывают с себя на государство (лишь 18 % считают, что безопасность жизни и здоровья от косвенных угроз зависит от их действий). Примечательно, что в другом исследовании на группе студентов гуманитарного профиля Кемеровского государственного университета показано, что восприятие ответственности меняется в зависимости от курса обучения (М. С. Иванов [42]). Студенты старших курсов, обладающие повышенным уровнем сформированности идентичности, в меньшей степени ощущают угрозы личной безопасности, но демонстрируют больше практик для обеспечения своей безопасности с опорой на свои силы и возможности.

На предварительном этапе исследования предполагалось, что восприятие защищенности от различных угроз тесно связано с локусом контроля индивида: респонденты, имеющие интернальный локус контроля (называющие себя ключевым субъектом обеспечения безопасности), скорее будут говорить о субъективном ощущении безопасности. Данная гипотеза подтвердилась частично: чувство безопасности зависит от того, на кого студент возлагает ответственность за обеспечение этого чувства (направление связи установлено по коэффициенту D Сомерса при $p < 0,001$), однако это не касается угроз отложенного характера (статистически значимая связь отсутствует). Иными словами, на группе студентов работает правило «чем больше я самостоятельно контролирую ситуацию, тем в большей безопасности я себя ощущаю» – это наиболее значимо для защищенности ментального здоровья (связь между принадлежностью к кластеру и восприятием ответственности проверена с помощью коэффициента корреляции V Крамера = 0,200 при $p < 0,001$).

Обсуждение

Пандемия COVID-19, рост геополитической напряженности, усиление климатических изменений привели к тому, что в конце 2021 – начале 2022 гг., согласно данным межнационального опроса Института Гэллага, 34 % респондентов чувствовали себя «в меньшей безопасности, чем пять лет назад» (что

на 4 % выше, чем в 2019 г.)¹. В России рост доли населения, чувствующего себя в меньшей безопасности, составил 10 % – с 16 % в 2019 г. до 26 % в конце 2021 – начале 2022 гг. Основные угрозы личной безопасности респонденты связывали с рисками заболеваний, преступностью, терроризмом и дорожно-транспортными происшествиями. Динамика социально-политической и экономической ситуации в России с начала 2022 г. позволяла, с одной стороны, предположить низкий уровень субъективно воспринимаемой личной безопасности среди различных категорий граждан, в том числе студенческой молодежи, с другой стороны, по мнению зарубежных исследователей A. Keating, G. Melis [43], R. J. Johnson, K. D. McCaul, W. M. Klein [44], типичные для молодежи оптимизм в отношении собственного будущего и недооценка рисков в сфере здоровья давали основания для выдвижения противоположной гипотезы. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, студенты российских вузов в большинстве своем чувствуют себя защищенными от внешних угроз, полагают свою жизнь стабильной и предсказуемой. Это согласуется с данными мониторинга ФНИСЦ РАН за 2016 г., показавшего, что в группе условно «защищенных» или «адаптированных к рискогенной среде» (т. е. удовлетворенных уровнем безопасности, чувствующих спокойствие, эмоциональный подъем и уверенность) гораздо больше молодежи, нежели представителей других возрастных групп [26]. Как отмечают М. А. Кудака, В. Г. Маралов, Е. Р. Нуртаев, высокий уровень самоощущения безопасности в студенческой среде не зависит от социально-демографических характеристик [45].

Во-вторых, можно выделить три группы угроз личной безопасности – прямые угрозы жизни и физическому здоровью, прямые угрозы ментальному благополучию и косвенные (отложенные) угрозы. Нарративы студентов и данные анкетного опроса свидетельствуют о наибольшей значимости для молодых людей прямых угроз жизни и физическому здоровью. Этот вывод подтверждается результатами исследования P. W. Górczyca, M. Adamiec, W. Leksowski, показавших, что такие угрозы хоть и оцениваются студентами как менее вероятные в течение года, но являются менее предсказуемыми, поэтому кажутся опаснее [46].

В-третьих, на основе субъективных показателей ощущений защищенности, стабильности и уверенности студентов можно разделить на три группы: «ощущающие себя в безопасности» (142 чел. – 34 %), «ощущающие себя в небезопасности» (101 чел. – 24 %) и «ощущающие себя в неопределенном состоянии». S. Johansson, K. Haandrikman отмечают, что девушки чаще попадают в группу не чувствующих себя в безопасности, что подтверждает наличие гендерного разрыва в субъективном восприятии угроз жизни и здоровью (fear-gender gap) [47]. В исследовании Т. П. Емельяновой на выборке московских студентов было установлено, что девушки в большей степени озабочены своим

¹ World Risk Poll 2021: A Changed World? Accessed July 19, 2024. https://wrp.lrfoundation.org.uk/sites/default/files/2024-06/LRF_2021_report_risk-in-the-covid-age_online_version_2.pdf

физическим и психологическим благополучием, поэтому в их фокус внимания попадает большее количество угроз жизни и здоровью, что создает для девушек ситуацию уязвимости и заставляет их предпринимать большее количество «защитных» мер [48]. Такое объяснение исходит из теории уязвимости (М. J. Zakour, D. F. Gillespie [49]), где признается, что женщины вследствие особенностей социализации более чувствительны к различным опасностям и угрозам, нежели мужчины. Однако, несмотря на свою уязвимость или благодаря ей, девушки показывают более высокую готовность к обеспечению безопасности как себя, так и своей семьи. Данный тезис согласуется с результатами настоящего исследования: например, студентки выражают больше опасений стать жертвой преступления и вместе с тем в разы чаще демонстрируют профилактическое поведение (сообщают о своем маршруте близким, не ходят по темным улицам и т. п.).

В-четвертых, субъективное ощущение безопасности связано с различной оценкой вклада событий повседневной и общественной жизни в формирование угроз. Данная оценка, как указывает S. Perlstein, складывается под воздействием комплекса личностных факторов – установок, информированности, персонального опыта, самоэффективности, локуса контроля, психологической устойчивости и пр. [50], а также близости события во времени и субъективно оцениваемой вероятности его повторения. Террористические атаки большинством студентов воспринимаются как события, угрожающие безопасности в наибольшей степени. Согласно опросам Фонда «Общественное мнение», угроза терроризма является перманентным источником страха и тревоги для россиян. В марте 2016 г. 43 % респондентов допускали возможность масштабных террористических атак в России, 51 % чувствовали в связи с этим тревогу¹. В июле 2017 г. 49 % респондентов полагали, что «там, где они живут», может произойти крупный теракт². Террористические атаки являются неожиданными и неконтролируемыми на индивидуальном уровне событиями, что, согласно теории восприятия рисков П. Словика, является предикторами ассоциации с данными событиями большей опасности для жизни и здоровья [32].

В-пятых, по данным опроса ответственность за обеспечение личной безопасности студенты, как правило, возлагают на себя, за исключением ответственности за угрозы с отложенным эффектом. Здесь можно зафиксировать некое противоречие, способное стать драйвером дальнейших исследований проблемы – основные угрозы жизни и здоровью студенты связывают с факторами/событиями, слабо поддающимися контролю на индивидуальном уровне, однако ответственность за защиту от них возлагают не на социальные институты или государство в целом, а на себя. Объясняется ли это низким уровнем доверия к системам обеспечения безопасности и/или интернальным локусом

¹ Угроза терроризма: опасения россиян. Режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12609> (дата обращения: 19.07.2024).

² Терроризм и безопасность. Режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14517> (дата обращения: 19.07.2024).

контроля и высоким уровнем самоэффективности студенческой молодежи или какими-то другими причинами – задача для отдельного исследования.

Заключение

Обследованные студенты российских вузов демонстрируют высокий уровень субъективной защищенности, воспринимают свою жизнь как стабильную и предсказуемую. В зависимости от субъективной оценки безопасности можно выделить группы ощущающих себя в безопасности, ощущающих себя в небезопасности и ощущающих себя в неопределенном состоянии, причем с выраженным гендерным разрывом. Опрошенные студенты, связывая основные угрозы с внешними факторами, ответственность за безопасность возлагают преимущественно на себя, несмотря на слабый индивидуальный контроль над рисками. Это противоречие требует дальнейшего изучения.

Результаты научного исследования обладают научной и практической значимостью. На теоретическом уровне дополнена концепция субъективно воспринимаемой личной безопасности через операционализацию ее компонентов – чувства защищенности, уверенности и стабильности, что расширяет рамки традиционных «государственно-ориентированных» подходов. Выявленные структурные связи между этими категориями формируют основу для междисциплинарных исследований субъективной безопасности. На прикладном уровне предложен эмпирический инструментарий для анализа поведения студенческой молодежи в сфере безопасности и разработки дифференцированных стратегий управления рисками, включая учет гендерных и социально-экономических факторов. На основании результатов исследования можно предложить следующие меры по оптимизации работы образовательных организаций в отношении культуры безопасности студентов: 1) внедрение гендерно-ориентированных программ обучения безопасности; 2) усиление мер безопасности в университетах путем развития инфраструктуры и цифровизации инструментов безопасности; 3) использование тьюторских программ для психолого-педагогической поддержки студентов в сфере безопасности.

Список использованных источников

1. Шлыкова Е.В. Субъективная оценка безопасности как показатель адаптированности к рискам социальных изменений: методологическое и эмпирическое обоснование исследовательского подхода. *Социологическая наука и социальная практика*. 2020;8(4):105–120. doi:10.19181/snsr.2020.8.4.7659
2. Simpson R. Neither clear nor present: the social construction of safety and danger. *Sociological Forum*. 1996;11:549–562. doi:10.1007/BF02408392
3. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Построение концепции личной безопасности в психологическом пространстве вызовов современности. *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2022;4:4–9. doi:10.17805/trudy.2022.4.1
4. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Персональные концепции безопасности: опыт эмпирических исследований. *Психология и право*. 2023;13(3):108–118. doi:10.17759/psylaw.2023130308

5. Дашкин И.И. Социодинамика положения молодежи в обществе риска. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019;3:48–52. doi:10.24158/spp.2019.3.6
6. Vilchez M., Trujillo F. The perception of security and youth: a practical example. *Social Sciences*. 2023;12(4):227. doi:10.3390/socsci12040227
7. Milić M., Vlačić R., Križanić V. Perception of invulnerability, engaging in risky behaviors and life satisfaction among high school students. *Kriminologija & socijalna integracija*. 2019;2:177–203. doi:10.31299/ksi.27.2.2
8. Çıtak Ş., Yazıcı H. Risky behaviours of high school students and school counsellors' interventions. *Participatory Educational Research*. 2022;6:453–473. doi:10.17275/per.22.148.9.6
9. Меренков А.В., Сивкова Н.И., Новгородцева А.Н. Социальное самочувствие населения в современных социально-политических условиях. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2023;7(3):303–312. doi:10.35634/2587-9030-2023-7-3-303-312
10. Кравченко С.А., Свирская Д.А. Становление сложных страхов в молодёжной среде: рефлексия через призму генотипа отечественной культуры. *Социологическая наука и социальная практика*. 2024;12(2):102–121. doi:10.19181/snsp.2024.12.2.5
11. Carroll P., Wichman A., Agler R., Arkin R. The regulation of personal security. *Journal of Theoretical Social Psychology*. 2023;4:1–13. doi:10.1155/2023/7593709
12. Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В. Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия. *Социальная психология и общество*. 2022;13(1):159–173. doi:10.17759/sps.2022130110
13. Li Z., Zhou X., Wang X., Guo Z. Study on subjective and objective safety and application of expressway. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 2013;96:1622–1630. doi:10.1016/j.sbspro.2013.08.184
14. Vileikienė E., Janušauskienė D. Subjective security in a volatile geopolitical situation: does Lithuanian society feel safe? *Journal on Baltic Security*. 2016;2(2):109–143. doi:10.1515/jobs-2016-0047
15. Stevens D., Bulmer S., Banducci S., Vaughan-Williams N. Male warriors and worried women? Understanding gender and perceptions of security threats. *European Journal of International Security*. 2021;6(1):44–65. doi:10.1017/eis.2020.14
16. Афанасьева О.Р., Афанасьев П.Б. Страх перед насильственной преступностью: понятие и основные характеристики. *Вестник Академии права и управления*. 2018;1(50):33–39. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-pered-nasilstvennoy-prestupnostyu-ponyatie-i-osnovnye-harakteristiki> (дата обращения: 18.05.2025).
17. Kim Y., Park I., Kang S. Age and gender differences in health risk perception. *Central European Journal of Public Health*. 2018;26(1):54–59. doi:10.21101/cejph.a4920
18. Zhang C., Fan J. A study of the perception of health risks among college students in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2013;10(6):2133–2149. doi:10.3390/ijerph10062133
19. Унгурану Т.Н. Субъективная оценка и восприятие риска здоровью различными группами населения. *Анализ риска здоровью*. 2013;3:82–87. doi:10.21668/health.risk/2013.3.10
20. Дидковская Я.В., Вишневский Ю.Р., Зырянова О.Б. Социальная безопасность студенческой молодежи как субъективное восприятие рисков. *Научный результат. Социология и управление*. 2022;8(4):57–70. doi:10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6
21. Веркеев А.М. Неравенство в восприятии (у)личной безопасности в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021;24(3):169–192. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neravenstvo-v-vospriyatii-u-lichnoy-bezopasnosti-v-rossii> (дата обращения: 18.05.2025).
22. Visser M., Scholte M., Scheepers P. Fear of crime and feelings of unsafety in European countries: macro and micro explanations in cross-national perspective. *The Sociological Quarterly*. 2013;54(2):278–301. doi:10.1111/tsq.12020

23. Великая Н.М., Лисенкова А.А. Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2023;16(4):374–390. doi:10.21638/spbu12.2023.402
24. Luo Y.F., Shen H.Y., Yang S.C., Chen L.C. The relationships among anxiety, subjective well-being, media consumption, and safety-seeking behaviors during the COVID-19 epidemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(24):13189. doi:10.3390/ijerph182413189
25. Лызь Н.А., Куповых Ж.Г. Представления о безопасности как предмет эмпирических исследований. *Современные научные исследования и инновации*. 2015;8(2). Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2015/08/57172> (дата обращения: 03.06.2024).
26. Шлыкова Е.В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискогенной среде. *Социологический журнал*. 2018;24(3):56–75. doi:10.19181/soc-jour.2018.24.3.5993
27. Харламенкова Н.Е. Понятие психологической безопасности и его научные дефиниции. В книге: *Разработка понятий в современной психологии: Сборник статей*. М.: Институт психологии РАН; 2019;2:309–330. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=yuyiguy> (дата обращения: 03.06.2024).
28. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Человеческое измерение безопасности: субъективные оценки и личностные смыслы. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2022;14(4):29–40. doi:10.19181/inter.2022.14.4.2
29. Смирнова О.В. Представления о безопасности в юношеском возрасте: половой и гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*. 2020;1:85–100. doi:10.21064/WinRS.2020.1.7
30. Корабельникова Ю.Л. Понятие и содержание безопасности личности в современном государстве. *Труды Академии управления МВД России*. 2023;3(67):39–48. doi:10.24412/2072-9391-2023-367-39-48
31. Угольников В.В. Мультидисциплинарный подход к обеспечению безопасности жизнедеятельности, сохранению здоровья и жизни. *Технико-технологические проблемы сервиса*. 2015;3(33):105–110. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/multidisciplinarnyy-podhod-k-obespecheniyu-bezopasnosti-zhiznedejatelnosti-sohraneniyu-zdorovya-i-zhizni> (дата обращения: 18.05.2025).
32. Slovic P. *The Perception of Risk*. London: Earthscan Ltd; 2000. 512 p. doi:10.4324/9781315661773
33. Атанесян А.В. «Безопасность человека»: концептуальные подходы и локальные измерения (на примере Армении). *Человек. Сообщество. Управление*. 2014;4:30–44. doi:10.31857/S013216250004280-1
34. Махов С.Ю. Формирование личной безопасности: функциональные компоненты. *Наука-2020*. 2018;5(21):108–114. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-lichnoy-bezopasnosti-funktsionalnye-komponenty> (дата обращения: 18.05.2025).
35. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности. *Известия Алтайского государственного университета*. 2012;2-1:211–215. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vospriyatiya-riska-v-strukture-otsenki-lichnoy-i-sotsialnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 14.05.2025).
36. Syropoulos S., Leidner B., Mercado E., Li M., Cros S., Gomez A., et al. How safe are we? Introducing the multidimensional model of perceived personal safety. *Personality and Individual Differences*. 2024;224(3):112640. doi:10.1016/j.paid.2024.112640
37. Полухина Е.В., Присянюк Д.В. Исследования со смешанными методами (mixed methods research): интеграция количественного и качественного подходов. *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2017;1:49–56. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-so-smeshannymi-metodami-mixed-methods-research-integratsiya-kolichestvennogo-i-kachestvennogo-podhodov> (дата обращения: 18.05.2025).

38. Worsley J.D., Harrison P. Corcoran R. The role of accommodation environments in student mental health and wellbeing. *BMC Public Health*. 2021;21(1):573. doi:10.1186/s12889-021-10602-5
39. Баева И.А. Психологическая безопасность студентов, проживающих в общежитии: проблемы и ресурсы. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 2015;174:36–44. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-studentov-prozhivayuschih-v-obschezhitii-problemy-i-resursy> (дата обращения: 18.05.2025).
40. Hart T.C., Chataway M., Mellberg J.A. Measuring fear of crime during the past 25 years: a systematic quantitative literature review. *Journal of Criminal Justice*. 2022;82:101988. doi:10.1016/j.jcrimjus.2022.101988
41. Maier S.L., DePrince B.T. College students' fear of crime and perception of safety: the influence of personal and university prevention measures. *Journal of Criminal Justice Education*. 2019;31(1):63–81. doi:10.1080/10511253.2019.1656757
42. Иванов М.С. Динамика показателей отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности у студентов вуза в период обучения. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022;24(1):83–91. doi:10.21603/2078-8975-2022-24-1-83-91
43. Keating A., Melis G. Youth attitudes towards their future: the role of resources, agency and individualism in the UK. *Journal of Applied Youth Studies*. 2022;5(1):1–18. doi:10.1007/s43151-021-00061-5
44. Johnson R.J., McCaul K.D., Klein W.M. Risk involvement and risk perception among adolescents and young adults. *Journal of Behavioral Medicine*. 2002;25(1):67–82. doi:10.1023/a:1013541802282
45. Кудака М.А., Маралов В.Г., Нуртаев Е.Р. Отношение к опасностям казахских и российских студентов. *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2018;3:156–173. doi:10.18384/2224-0209-2018-3-904
46. Gorczyca P.W., Adamiec M., Leksowski W. Relation of health threats to other threats in everyday life. Studies performed among students of the faculties of medicine and psychology. *Wiadomości Lekarskie*. 2002;55(1):97–101. Accessed May 18, 2025. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15002226/>
47. Johansson S., Haandrikman K. Gendered fear of crime in the urban context: a comparative multilevel study of women's and men's fear of crime. *Journal of Urban Affairs*. 2021;45(7):1238–1264. doi:10.1080/07352166.2021.1923372
48. Емельянова Т.П. Угрозы здоровью в социальных представлениях студентов. *Знание. Понимание. Умение*. 2013;4:226–232. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-zdorovyu-v-sotsialnyh-predstavleniyah-studentov> (дата обращения: 18.05.2025).
49. Zakour M.J., Gillespie D.F. Vulnerability Theory. In: *Community Disaster Vulnerability*. New York: Springer; 2013:17–35. doi:10.1007/978-1-4614-5737-4_2
50. Perlstein S. Risk perception and interpersonal discussion on risk: a systematic literature review. *Risk Analysis*. 2024;44(7):1666–1680. doi:10.1111/risa.14264

References

1. Shlykova E.V. Subjective safety assessment as an indicator of adaptation to the risks of social change: methodological and empirical justification of the research approach. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*. 2020;8(4):105–120. (In Russ.) doi:10.19181/snsp.2020.8.4.7659
2. Simpson R. Neither clear nor present: the social construction of safety and danger. *Sociological Forum*. 1996;11:549–562. doi:10.1007/BF02408392
3. Krasnianskaya T.M., Tylets V.G. Building the concept of personal security in the psychological space of modern challenges. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta = Scientific Works of the Moscow University of the Humanities*. 2022;4:4–9. (In Russ.) doi:10.17805/trudy.2022.4.1

4. Krasnianskaya T.M., Tylets V.G. Personal security concepts of law students. *Psihologiya i pravo = Psychology and Law*. 2023;13(3):108–118. (In Russ.) doi:10.17759/psylaw.2023130308
5. Dashkin I.I. Sociodynamics of the situation of youth in a risk society. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2019;3:48–52. (In Russ.) doi:10.24158/spp.2019.3.6
6. Vílchez M, Trujillo F. The perception of security and youth: a practical example. *Social Sciences*. 2023;12(4):227. doi:10.3390/socsci12040227
7. Milić M., Vlačić R., Križanić V. Perception of invulnerability, engaging in risky behaviors and life satisfaction among high school students. *Kriminologija & socijalna integracija*. 2019;2:177–203. doi:10.31299/ksi.27.2.2
8. Çıtak, Ş., Yazıcı, H. Risky behaviours of high school students and school counsellors' interventions. *Participatory Educational Research*. 2022;6:453–473. doi:10.17275/per.22.148.9.6
9. Merenkov A.V., Sivkova N.I., Novgorodtseva A.N. Social well-being of the population in modern socio-political conditions. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2023;7(3):303–312. (In Russ.) doi:10.35634/2587-9030-2023-7-3-303-312
10. Kravchenko S.A., Svirskaya D.A. The becoming of the complex fears among young people: reflection through the prism of the genotype of the domestic culture. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*. 2024;12(2):102–121. (In Russ.) doi:10.19181/snsp.2024.12.2.5
11. Carroll P., Wichman A., Agler R., Arkin R. The regulation of personal security. *Journal of Theoretical Social Psychology*. 2023;4:1–13. doi:10.1155/2023/7593709
12. Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M., Iokhvidov V.V. Personal security scenarios of subject of conflict interaction. *Social'naya psihologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*. 2022;13(1):159–173. (In Russ.) doi:10.17759/sps.2022130110
13. Li Z., Zhou X., Wang X., Guo Z. Study on subjective and objective safety and application of expressway. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 2013;96:1622–1630. doi:10.1016/j.sbspro.2013.08.184
14. Vileikienė E., Janušauskienė D. Subjective security in a volatile geopolitical situation: does Lithuanian society feel safe? *Journal on Baltic Security*. 2016;2(2):109–143. doi:10.1515/jobs-2016-0047
15. Stevens D., Bulmer S., Banducci S., Vaughan-Williams N. Male warriors and worried women? Understanding gender and perceptions of security threats. *European Journal of International Security*. 2021;6(1):44–65. doi:10.1017/eis.2020.14
16. Afanas'eva O., Afanas'ev P. Fear of violent crime: concept and essential features. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = The Bulletin of Academy of Law and Management*. 2018;1(50):33–39. (In Russ.) Accessed May 18, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-pered-nasilstvennoy-prestupnostyu-ponyatie-i-osnovnye-harakteristiki>
17. Kim Y., Park I., Kang S. Age and gender differences in health risk perception. *Central European Journal of Public Health*. 2018;26(1):54–59. doi:10.21101/cejph.a4920
18. Zhang C., Fan J. A study of the perception of health risks among college students in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2013;10(6):2133–2149. doi:10.3390/ijerph10062133
19. Unguryanu T.N. Subjective evaluation and perception of risk by various population groups. *Analiz riska zdorov'yu = Health Risk Analysis*. 2013;3:82–87. (In Russ.) doi:10.21668/health.risk/2013.3.10
20. Didkovskaya Ya.V., Vishnevsky Yu.R., Zyryanova O.B. Social security of student youth as a subjective perception of risks. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(4):57–70. (In Russ.) doi:10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6

21. Verkeev A. Inequality in perceptions of street safety in Russia. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* = *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(3):169–192. (In Russ.) Accessed May 18, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/neravenstvo-v-vospriyatii-u-lichnoy-bezopasnosti-v-rossii>
22. Visser M., Scholte M., Scheepers P. Fear of crime and feelings of unsafety in European countries: macro and micro explanations in cross-national perspective. *The Sociological Quarterly*. 2013;54(2):278–301. doi:10.1111/tsq.12020
23. Velikaya N.M., Lisenkova A.A. Socio-cultural identity of student youth in the context of social uncertainty of Russian society. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* = *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2023;16(4):374–390. (In Russ.) doi:10.21638/spbu12.2023.402
24. Luo Y.F., Shen H.Y., Yang S.C., Chen L.C. The relationships among anxiety, subjective well-being, media consumption, and safety-seeking behaviors during the COVID-19 epidemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(24):13189. doi:10.3390/ijerph182413189
25. Lyz N.A., Kupovykh Zh.G. Notions of security as a subject of empirical research. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii* = *Modern Scientific Research and Innovation*. 2015;8(2). (In Russ.) Accessed May 18, 2025. <https://web.snauka.ru/issues/2015/08/57172>
26. Shlykova E.V. Subjective assessment of personal security as an indicator of adaptation to a risky environment. *Sociologicheskij zhurnal* = *Sociological Journal*. 2018;24(3):56–75. (In Russ.) doi:10.19181/socjour.2018.24.3.5993
27. Kharlamenkova N.E. Ponjatie psihologicheskoy bezopasnosti i ego nauchnye definicii = The concept of psychological safety and its scientific definitions. In: Sergienko E.A., Zhuravlev A.L., eds. *Razrabotka ponyatiy v sovremennoy psikhologii: Sbornik statey* = *Development of Concepts in Modern Psychology. Collection of Articles*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2019;2:309–330. (In Russ.) Accessed May 18, 2025. <https://elibrary.ru/item.asp?edn=yyiguy>
28. Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. Human dimension of security: subjective assessments and personal meanings. *Interaktsiya. Interv'yū. Interpretatsiya*. = *Interaction. Interview. Interpretation*. 2022;14(4):29–40. (In Russ.) doi:10.19181/inter.2022.14.4.2
29. Smirnova O.V. Notions of safety in adolescence: sexual and gender aspects. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* = *Woman in Russian Society*. 2020;1:85–100. (In Russ.) doi:10.21064/WinRS.2020.1.7
30. Korabelnikova Yu.L. Concept and content of personal security in a modern state. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* = *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;3(67):39–48. (In Russ.) doi:10.24412/2072-9391-2023-367-39-48
31. Ugolnikov V.V. Multidisciplinary approach to ensuring life safety, preserving health and life. *Tekhniko-tehnologicheskiye problemy servisa* = *Technical and Technological Problems of Service*. 2015;3(33):105–110. (In Russ.) Accessed May 18, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/multidistsiplinarnyy-podhod-k-obespecheniyu-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-sohraneniya-zdorovya-i-zhizni>
32. Slovic P. *The Perception of Risk*. London: Earthscan Ltd; 2000. 512 p. doi:10.4324/9781315661773
33. Atanesyan A.V. "Human security": conceptual approaches and local dimensions (using Armenia as an example). *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye*. = *Man. Community. Management*. 2014;4:30–44. (In Russ.) doi:10.31857/S013216250004280-1
34. Makhov S.Yu. Formation of personal security: functional components. *Nauka-2020* = *Science-2020*. 2018;5(21):108–114. (In Russ.) Accessed May 18, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-lichnoy-bezopasnosti-funktsionalnye-komponenty>
35. Maksimova S.G., Goncharova N.P., Noyanzina O.E. Features of risk perception in the structure of personal and social security assessment. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Altai State University*. 2012;2-1:211–215. (In Russ.) Accessed May 14, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/obzorye-na-lichnoy-bezopasnosti>

- leninka.ru/article/n/osobennosti-vospriyatiya-riska-v-strukture-otsenki-lichnoy-i-sotsialnoy-bezopasnosti
36. Syropoulos S., Leidner B., Mercado E., Li M., Cros S., Gomez A., et al. How safe are we? Introducing the multidimensional model of perceived personal safety. *Personality and Individual Differences*. 2024;224(3):112640. doi:10.1016/j.paid.2024.112640
 37. Polukhina E.V., Prosyanyuk D.V. Mixed methods research: integration of quantitative and qualitative approaches. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2017;1:49–56. (In Russ.) Accessed May 18, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-so-smeshannyimi-metodami-mixed-methods-research-integratsiya-kolichestvennogo-i-kachestvennogo-podhodov>
 38. Worsley J.D., Harrison P., Corcoran R. The role of accommodation environments in student mental health and wellbeing. *BMC Public Health*. 2021;21:573. doi:10.1186/s12889-021-10602-5
 39. Baeva I.A. Psychological safety of foreign students in society: problems and resources. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*. 2015;174:36–44. (In Russ.) Accessed May 18, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-studentov-prozhivayuschih-v-obschезhitii-problemy-i-resursy>
 40. Hart T.C., Chataway M., Mellberg J.A. Measuring fear of crime during the past 25 years: a systematic quantitative literature review. *Journal of Criminal Justice*. 2022;82:101988. doi:10.1016/j.jcrimjus.2022.101988
 41. Maier S.L., DePrince B.T. College students' fear of crime and perception of safety: the influence of personal and university prevention measures. *Journal of Criminal Justice Education*. 2019;31(1):63–81. doi:10.1080/10511253.2019.1656757
 42. Ivanov M.S. Attitude to personal security during identity formation in university students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Kemerovo State University*. 2022;24(1):83–91. (In Russ.) doi:10.21603/2078-8975-2022-24-1-83-91
 43. Keating A., Melis G. Youth attitudes towards their future: the role of resources, agency and individualism in the UK. *Journal of Applied Youth Studies*. 2022;5(1):1–18. doi:10.1007/s43151-021-00061-5
 44. Johnson R.J., McCaul K.D., Klein W.M. Risk involvement and risk perception among adolescents and young adults. *Journal of Behavioral Medicine*. 2002;25(1):67–82. doi:10.1023/a:1013541802282
 45. Kudaka M.A., Maralov V.G., Nurtayev Y.R. Kazakhstan and Russian students' attitude to danger. *Rossijskij social'no-gumanitarnyj zhurnal = Bulletin of Moscow Region State University*. 2018;3:156–173. (In Russ.) doi:10.18384/2224-0209-2018-3-904
 46. Gorczyca P.W., Adamiec M., Leksowski W. Relation of health threats to other threats in everyday life. Studies performed among students of the faculties of medicine and psychology. *Wiadomości Lekarskie*. 2002;55(1):97–101. Accessed May 18, 2025. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15002226/>
 47. Johansson S., Haandrikman K. Gendered fear of crime in the urban context: a comparative multi-level study of women's and men's fear of crime. *Journal of Urban Affairs*. 2021;45(7):1238–1264. doi:10.1080/07352166.2021.1923372
 48. Emelyanova T.P. Health threats in social perceptions of students. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2013;4:226–232. (In Russ.) Accessed May 18, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-zdorovyu-v-sotsialnyh-predstavleniyah-studentov>
 49. Zakour M.J., Gillespie D.F. Vulnerability Theory. In: *Community Disaster Vulnerability*. New York: Springer; 2013:17–35. doi:10.1007/978-1-4614-5737-4_2
 50. Perlstein S. Risk perception and interpersonal discussion on risk: a systematic literature review. *Risk Analysis*. 2024;44(7):1666–1680. doi:10.1111/risa.14264

Информация об авторах:

Лебедева-Несевря Наталья Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация; ORCID 0000-0003-3036-3542. E-mail: natnes@list.ru

Шарыпова Софья Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация; ORCID 0000-0003-3519-8531. E-mail: sonia.eliseeva@bk.ru

Шляпина Анастасия Сергеевна – ассистент кафедры социологии философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-5398-2891. E-mail: shlyapina.psu@mail.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в разработку статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; поступила после рецензирования 14.07.2025; принята в печать 06.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Natalia A. Lebedeva-Nesevria – Dr. Sci. (Sociology), Professor, Department of Sociology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation; ORCID 0000-0003-3036-3542. E-mail: natnes@list.ru

Sofya Yu. Sharypova – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation; ORCID 0000-0003-3519-8531. E-mail: sonia.eliseeva@bk.ru

Anastasiya S. Shlyapina – Teaching Assistant, Department of Sociology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation; ORCID 0000-0002-5398-2891. E-mail: shlyapina.psu@mail.ru

Contribution of the authors. The authors contributed equally to the development of this paper.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 09.04.2025; revised 14.07.2025; accepted for publication 06.08.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.